

Преодолеть ретроспекцию

Ретроспективная выставка Эдуарда Мане в Фонде Пьера Джианадда, Мартиньи (Швейцария). По 11 ноября 1996 года

Елена Петровская

Последнее десятилетие отмечено крупными ретроспективами. Их принцип — собрать работы (того или иного художника, того или иного направления) со всего света, из самых недоступных галерей. Русский авангард, «дегенеративное» искусство, «Берлин—Москва», Магритт, Сурбаран, Матисс, Сезанн, Вермеер... Каждый поход настраивает на долгий труд изучения: ведь любая выставка такого рода — это прежде всего визуализация аналитических усилий (по сведению воедино, уточнению атрибуций, заполнению доселе существовавших брешей и лакун). Зрителю предлагают отвлечься от конкретных работ во имя целого — вот как оно было на самом деле, подсказывает многознающий куратор. Вот как оно было — от начала до конца: теперь можно говорить об этом, это более объективно и более верно, чем жизнь, когда ее проживают. Ретроспектива — окончательное суждение, благодарный приговор, творчество, представшее надгробием. Мы очень любим памятники и мавзолеи.

Какое возникает чувство, когда к просмотру объявлен Эдуард Мане? Как обычно — смутное и вместе с тем весьма почтительное.

Исток импрессионизма (правда, с красками не все так просто), вызов буржуазии и Салону (знаменитый «Завтрак», скандальная нагота Олимпии), портреты и марины (отнесем «Фоли-Бержер» к жанру портрета — в этом лице, как и в других женских лицах, заметна рассеянность, почти отрешенность, наверное, из-за глаз с чуть-чуть печальным разрезом, а может, из-за приподнятых бровей, — а еще есть портрет другой женщины, очень известный, жаль только, что позабылось имя). Мы всегда заранее готовы, но наше знание удручающе неполно.

Квадратный периметр галереи. Отдельно — рисунки и фотографии. Первая радость — вот она, эта женщина без имени, Берта Моризо, ну

конечно, Берта Моризо, а рядом с ней — целая серия других ее портретов. Мы проходим вдоль просторных стен, находя знакомое и не узнавая. Знакомое — это цвета: откровенный черный, от которого исходит бархатистый свет (удивительно, что можно не бояться пользоваться черным), один и тот же безупречно найденный оттенок морской воды в пасмурную погоду (аквамарины, разбавленный солью и пеной), мягкое излучение обнаженных тел и ясных дней — цвет

из Австралии. Малоизвестный Мане — художник частных собраний. Портреты, натюрморты, пастели. Акварельные наброски фруктов и цветов. Подчас из них получаются письма. Малоизвестный Мане, наконец, — это автор добротных рисунков сангиной, которые подверглись передатировке. Одним словом, каталог. Инвентарный список очередной ретроспективы.

Живопись, ставшая достоянием истории, на исходе века совпадает со взглядом, брошенным назад. Невозможный жест Орфея. Что мы видим, обернувшись? Жизнь как рассказ, искусство как еще одну историю. В ней остается все меньше и меньше недосказанного. Но тут же возникает парадокс — при уплотнении знания истончается материя живописного как такового (даже манера художника можно расчленить аналитически). Почему это так? Наверное потому, что из памяти постепенно уходит запах масляных красок, палитра и этюдник тоже становятся необходимыми элементами рассказа, это персональный антиквариат, то, что после смерти подлежит распродаже и потому обречено включиться в порожаемый культурой символический обмен. Мане, переставший сопротивляться — времени, реакциям, Салону. Ставший близким и тем для нас утраченный. Неужели навсегда? История с Орфеем продолжается.

Но как удержаться от ретроспекции? И возможно ли это? Ведь наш удел — все время присваивать, накапливать, прибавлять, бороться с досадными пробелами. История не терпит пробелов. Живопись только ими и живет. И в этом, пожалуй, спасение. Ведь никакая другая рука, даже самого выдающегося копировщика, не дорисует этой головы Христа, так и не узнавшей завершеного контура, не смешает заново краски, чтобы дорисовать лишь начатый портрет — отца и дочери на фоне зеленой лужайки, и не добавит последний штрих к расплывчатой, но чувственной пастели. Путями живописи движутся одни художники. А имя — граница дозволенного. К счастью для нас, мы всегда будем обмануты в своих ожиданиях, встречаясь с Эдуардом Мане.

ПОРТРЕТ БЕРТЫ МОРИЗО. 1872

то ли сливок, то ли персиковой кожуры. Незнакомое — собственно картины, среди которых нет ни «Завтрака», ни «Олимпии», ни «Боя быков». Нам предлагают на время позабыть о штампах и присмотреться к малоизвестному Мане.

Малоизвестный Мане — тот, которого не знают в Европе. Скажем, портрет Эжена Пертюизе, охотника на львов, запечатленного рядом с поверженным животным (1881; ныне хранится в Бразилии). Или другой — портрет Эрнеста Ошеде с дочерью Мартой (1877; Музей изящных искусств Буэнос-Айреса). Еще один — портрет художника Марселена Дебютена, в полный рост и с собакой (1875; Бразилия). Сюда же относится Maison de Rueil (1882), пейзаж, привезенный